

Голая правда искусства

В Москве существует театр, где актеры выходят на сцену обнаженными — полностью, либо частично, но даже если частично, будьте покойны, — именно теми частями, которые в академических коллективах не принято демонстрировать широкой публике. Это Концептуальный театр Кирилла Ганина.

К своим тридцати годам Ганин пришел, имея опыт отсидки в КПЗ и «отлежки» в Институте Сербского. «На мне там одна сумасшедшая тетка докторскую диссертацию защитила, и теперь мое имя есть в учебнике по психиатрии...». Впрочем, ни преступником, ни маньяком его так и не признали. Концептуальный, а более конкретно — «политико-порнографический» театр продолжает развлекать свою целевую аудиторию. Официально никакого театра вообще нет, а есть частное предприятие — подобная форма сожительств с государством устраивает Кирилла больше всего. Площадки он снимает разные, но в цивилизованных местах обычно не задерживается, и сейчас его можно встретить преимущественно в стриптиз-баре в районе «Водного стадиона». Там на днях и была сыграна премьера «Парнухи» (именно через «а»). Постановщик и автор пьесы — плохой мальчик Кирилл Ганин, на котором защищают диссертации сумасшедшие тетки. Кстати, звучит двусмысленно...

Народ для разврата собрался

Москва — город контрастов. Только что уютно шуршала под колесами гладкая Ленинградка, глаз радовался указателям на «Шереметьево», горели по сторонам вечерние огни, и вдруг, один-единственный поворот — разливающие лужи, колдобины, то ли стройка, то ли разлука, глупые панели, заборы, темнота... Несмотря на сложные топографические условия, публика валом валила в стриптиз-бар, главный очаг местной культуры. К семи зал был набит под завязку.

Хотя зал в данном случае понятие формальное. Столы, стулья, пиво, водка, удушливые столбы сигаретного дыма — хоть противогаз надевай. Вместо сцены невысокая площадка эстрадного типа, только с шестом... Очень тесно и очень жарко. Хочется раздеться без эротического подтекста.

Стриптиз-бар для среднего класса (или класса ниже среднего) — это зачуханное, маслянисто-красной озелененное помещение с крепким амбре из мужского туалета. Бумажные номерки в гардеробе. Киоск: «Плейбой», вибраторы, презервативы. На доске объявлений расписание: в понедельник — вечеринка садо-мазо, во вторник — конкурс толстух, и так далее. Санитарный день не указан. Чувственную атмосферу призваны создавать малиновые портьеры под бархат.

Безостановочно снуют официанты с бокалами и рюмками — закуска программой не предусмотрена. Дико грохоча, валяясь на каменный пол задетые неосторожной ногой бутылки. Снуют, разумеется, и зрители — пиво засиживаться не велит. Концентрация табака, наконец, перебарывает запах туалета. Народ собрался в основном простой — видимо, с близлежащих улиц. Разумеется, из тех, кто способен заплатить сто восемьдесят рэ за билет. Выделяются культурой поведения несколько мальчиков, косящихся под девочек, — прихорашиваются, пива не пьют, нежно трогают друг друга слабыми лапками. Случайно такие не приходят. Значит, Ганин голубой? Ладно, выясним в процессе. (В процессе спектакля, чтобы быть правильно понятой).

Да, забыла уточнить, где находится стриптиз-бар. В институте повышения квалификации работников образования.

Свободу Куропаткину!

«Парнуха» — это история телемагната, которому не повезло. Его арестовали. За то, что он, как бы это помягче выразиться... портил в стране воздух. Румын, президент Всемирного румынского конгресса с птичьей фамилией Куропаткин, видите ли, «слишком громко пукал» в телевизоре, причем не лично, а через своего главного журналиста Комптова. Сам Куропаткин на сцене не присутствует — он как раз сидит в тюрьме и жлет результатов экологической экспертизы, которая должна подтвердить, что лишние газы, испускаемые его информационными каналами, для российской атмосферы не опасны. Автор даже побуждает героя бежать, выпилив тюремную решетку, но тот, к сожалению, застревает в ветвях американского клена — «на полпути к свободе». (Недаром законная супруга ласково называет телемагната «лузиком»).

О злочынениях абрамы Куропаткина мы узнаем из аналитиче-

ской программы Комптова «Обобщение». Компотов же собирает прямо на сцене стихийный митинг в поддержку своего босса. «Вся страна в негодовании...» — вешает он, и зал умирает от хохота. Это не мешает накачавшимся зрителям хватать транспаранты и присоединяться к актерам. Один — маленький, плешивый, еле стоящий на ногах — вообще присосался к действию так, что я начала всерьез подозревать в нем подсадку. Сомнения разрешил охранник, который утащил маленького за кулисы как раз в тот момент, когда сюжетная линия начала уходить в вынужденную bestolkovую импровизацию.

Детям до шестнадцати читать не рекомендуется

С политикой разобрались. Теперь о втором слагемом театра Ганина, значительно более интересном.

Ну, порнография-то никакая

вовсе под одеялом. Нецензурные термины также отсутствуют. В избытке всяческие вульгаризмы, но, скажем, малосимпатичный глагол «трахаться» можно услышать и в культурном Театре Табакова.

В той самой паре по вызову «девочку» играет пожилой карлик с нарумяненными щеками, в чепше. Душераздирающее зрелище. Зато мальчик — действительно мальчик, феерически сложенный, гимнаст, красавец, точно для Виктюка (для спектаклей Виктюка). Мастерски вертит вокруг шеста стриптиз, но символические плавки-сеточку все-таки не снимает.

В общем, как ни крути Ганина (вокруг шеста), порнографии в его спектаклях нет. Суд, кстати, это подтвердил, о чем Кирилл чуть ниже расскажет лично. А пока доведем до конца сюжетную линию. Иван понадобился магнатше не просто на ночь, у нее, оказывается, серьезные намерения.

— Ну, академический зал — это дорого и связи нужны (как все-таки мозгуч и эротичен русский язык!). Я место выбираю по такому принципу: если меня любят, я прихожу. Полтора года снимал площадку в Театре Гоголя, но там ведущие актеры начали возмущаться, и арендную плату все время поднимали — видят, народ ходит...

Почему я хочу сделать тот или иной спектакль? Потому что я вижу в своей голове то, чего нельзя посмотреть ни в одном театре. Значит, надо ставить самому. А где играть, абсолютно не важно. «Лука Мудищев», например, игрался в автобусе. Ехал по городу экскурсионный автобус, и экскурсовод показывал: здесь жил Лука Мудищев, на здание мэрии — здесь работал Лука Мудищев, на школу в спальном районе — здесь он учился...

«Правильное» искусство Кирилл невзлюбил с детства: мама работала хореографом в «Артеке».

— Хотелось идти купаться, а она с пионерами занималась и меня при себе держала...

Театрального образования, а соответственно и режиссерского диплома Ганин не получил. Окончил Московский инженерно-строительный институт.

— Через пару лет после окончания института я зашел в «Шалом», есть такой театр...

— Румынский.

— Ага. Заплатил за аренду и стал там работать. Поставил три спектакля, после чего они меня выгнали.

Вернее так: спектаклей было четыре, но четвертый — «За закрытыми дверями», — только начал играть, когда приехал ОМОН и всех повязал. Ганин утверждает, что по наводке «МК»: самая нравственная газета страны обескокошила сценическим воплощением «грязной порнухи». Пришлось посидеть — недолго. Советский суд (это название, а не сущность) ничего преступного за закрытыми дверями не обнаружил.

— Порнография — это когда на сцене трахаются. А у меня не трахаются — у меня вот это безобразия...

Ганин живет активной сутяжнической жизнью. Судится бесконечно — то в Советском суде, то, теперь вот, в Мещанском (какая игра слов и судьбы!). Только статья уже не уголовная, гражданская. Истец — один из наследников Булгакова, усмотревший нарушение авторских прав своего замечательного родственника в спектакле Ганина «Мастер и Маргарита». Точнее даже, не усмотревший, а подозревавший.

— Судья его спрашивает: «Вы спектакль видели?» — «Нет» — «А кто-нибудь видел, свидетели есть?». Свидетелей тоже нет. Тогда я встречаю: «А откуда вы вообще знаете, что я ставил какой-то спектакль?» — «Что же вы от собственной работы откажетесь?». Я говорю: «Да, откажусь, легко. Ничего я не ставил. Они думают, художник должен кричать о том, что он сделал...»

Ганин разборки не любит и всегда готов к разумному компромиссу.

— По поводу «Мухи-Цокотухи» собрались судиться наследники Чуковского. Я говорю: «Хорошо, мы переименуем в «Муху-потаскуху» — «Отлично, нас это устраивает». Хотя, по-моему, это еще круче... «Любовная уловка» имела подзаголовок «О сексуальной жизни Виктюка». Он тоже смотреть не стал, сразу пригрозил в суд подать. Я решил не связываться и снял.

— Спектакль?

— Нет, эту фразу с афиши.

Общее количество своих спектаклей Ганин не подсчитывал, но за десятком уже, наверное, перевалило. Помимо перечисленных, еще «Мадлен Олбрят в постели с Клинтонном», «Алиса в стране чудес», «Лолита», «Фауст», «Бенефис сэра Дэвида», «Секс.ги» (жанр — интерактивная игра. Зрители руководят действиями актеров).

— У тебя есть постоянные зрители — поклонники, поклонницы?

— Конечно. Ты же видела эту, которая меня весь спектакль за штаны тянула...

— Такая публика тебя устраивает?

— А чего? Интеллигентные сумасшедшие мне не интересны, поскольку я сам интеллигентный сумасшедший. А рабоче-крестьянского происхождения бывают очень занятые, у них рамок нет, они все наружу выплескивают.

Вытянуть из Ганина сведения о его сексуальной ориентации мне так и не удалось. Судите сами, есть ли здесь хоть какая-нибудь ориентация.

— Кирилл, почему ты женщин развел, а мужиков нет?

— Я и мужиков раздеваю — в других спектаклях. Просто в последнее время мне голые мужики все меньше и меньше нравятся.

— А раньше нравились?

— Ну да, если симпатичный, стройный. А сейчас уж никак. Голый мужик — это не смешно. А голая тетка — очень смешно, особенно если она сверху одета, а снизу раздета...

Продолжение митинга после спектакля в мужском туалете. В полосочку — Кирилл Ганин.

нет. Просто главная героиня, жена Куропаткина Ирэн (тоже, кстати, румынка), минут через десять после начала спектакля снимает трусики и уже до финала остается ню от пояса и ниже. Сначала по ханжеской театральной привычке вглядываешься, пытаешься угадать хотя бы прозрачные колготки, но — нет. Нет колготок. Живая натура. При этом верх у Ирэн прикрыт весьма солидным бюстгалтером, что создает неожиданный комический эффект. После антракта практически в аналогичном виде выходит и другая актриса — так что у зрителя перед носом оказываются сразу две... Сразу два аккуратно подстриженных дамских причинных места. (Понятно, почему к Ганину критики не ходят. Замаешься слова для рецензии подбирать).

Девушки вполне складные, однако красавицами, тем более призывными красавицами, их не назовешь, и по этой ли причине или по тонкому режиссерскому замыслу они существуют на сцене, как две неоткрытые кошки. Естественность поразительная. Кажется, и сами не помнят, что раздеты, и публику заставляют забыть о своей наготы. (Для женщин это, конечно, комплимент сомнительный, но для актрис — самое оно).

По сюжету Ирэн склеивает на вокзале молодого деревенского крепыша, гостя столицы, и заманивает его к себе домой «на порнуху». Иван (а как еще могут звать деревенского гостя?) это слово как раз и понимает через «а» — в смысле попариться телка зовет. Конечно, он и на продолжение надеется — не дурак. Но у «генофонда нации» в этом плане все очень запутано. Хозяйка то требует оральное секса, в деревнях, очевидно, не практикуемого, то нацепляет гигантский фаллоимитатор и атакует Ивана с тыла, то приглашает пару по вызову — сами ЭТИМ давно не занимаются, просто ездят по домам, возбуждают состоятельную клиентуру. От таких столичных извращенцев у наивного Ивана прямо руки опускаются. Ну и все остальное заодно.

Что касается соития, Ганин режиссирует их очень целомудренно — сначала прячет взаимодействующие органы (якобы взаимодружающие) в полумраке, а затем и

— Мы с мужем свинг-пара, — объясняет Ирэн обалдевшему пареньку, — Нам в постели обязательно нужен третий.

— Мы с тобой будем трахаться, а Абрам зачем?

— Абрам затем, чтобы быть финансово независимыми...

Кирилл Ганин молод, но он родное дитя советской эпохи. И если ему шьют порнографию, то лишь потому, что политические статьи упрямлены. На самом деле он из той многочисленной трогательной совковой породы, которой слаще шевелить фигой в кармане, нежели чем-нибудь в брюках.

Да Ганин и сам этого не отрицает.

— Я не вижу особой сексуальности в наготы. Это костюм такой, говорящий о человеке, кто он есть... Вообще, я когда увлекаюсь драматургией, забываю о раздевании. Потом начинаю наверх стывать, переписывать пьесу: е-мое, надо же трех человек раздеть... Раздевание — это наша госдотация. Дополнительные деньги от маньяков и онанистов.

Про муху-потаскуху...

Для интервье постановщика «Парнухи» пришлось ждать долго. Сначала он лично демонтировал нехитрую осветительную технику: «А то опять фонари украдут!». Потом был задержан девицей, домогавшейся его на протяжении всего спектакля — мол, бросай эту ерунду, поедом ко мне, займемся делом... Наконец, утащенный охранной полицией гордо пришел за авторграфом.

В зале гудели островки зрителей, не готовых привести себя в вертикальное положение. Героиня за кулисами фотографировалась, принимала комплименты друзей и родственников и стучала каблучками по коридору, так и не удосужившись чем-нибудь прикрыться. Прошел карлик в пиджаке, но по-прежнему с наштукатуренными щеками — зрелище совсем уж невыносимое. Красивый мальчик из «пары по вызову» уехал на иномарке (еще бы — такие данные), остальные полотнали в сторону метро. Глухая, холодная, асексуальная ночь опустилась над «Водным стадионом».

— Слушай, как тебя занесло в такую дыру?